

Первый памятный приз журналистских симпатий «За честь и достоинство», учрежденный к 20-летию юбилею «Вечерки», наш коллектив практически единогласно решил вручить Максиму Матвеевичу Загорюлько. В августе нынешнего года он праздновал 75-летие. Событие это, бесспорно, общегородского масштаба — Максим Матвеевич помимо всех прочих регалий является обладателем звания «Почетный гражданин Волгограда» — тогда достойно отметили и на страницах газеты.

Конечно, все мы люди разные, и у каждого журналиста есть свои герои и свои симпатии, но первый ректор Волгоградского государственного университета объединил большинство редакции еще и потому, что добрая ее половина в разные годы была студентами ВолГУ. А для Максима Матвеевича, по его собственному признанию, «университет и «Вечерка» — ровесники». И это на самом деле так. Разница в днях — уже в январе 2000 года ВолГУ отметит два десятилетия с момента открытия.

ОДНАЖДЫ,

ПОЛВЕКА СПУСТЯ

Помню, как переживал герой статьи «Важное впереди срочного» (№ 91 от 20 августа 1999 года): в большой, даже слишком большой по газетным меркам публикации не нашлось тогда места для главной его опоры, надежного тыла — супруги. С ней по жизни прошагали ни много ни мало — полвека. И только что отпраздновали золотую свадьбу. Знаете, это такой срок, который проверяет не только чувства, проверяет ВСЕ. У «половинок» не остается друг от друга никаких потаенных уголков души. Они знают, понимают и чувствуют наперед, что мог бы сделать тот человек, который не за годы, за ЖИЗНЬ стал твоим вторым «я». Как сказала когда-то героиня другой моей публикации, также с солидным опытом семейной жизни: «Что для меня муж? Это как рука. Можно ли сказать, что ты безумно ее любишь? Наверное, нет. Об этом просто не думаешь. Но жить без нее не можешь. Это что-то настолько мое и родное...». И это была правда. Настолько правда, неприкрашенная, но относящаяся к подавляющему большинству счастливых семейных пар, что повторять ее без правки можно бесконечно долго. Веками.

Безусловно, это была ошибка автора. То есть моя. Герой статьи, описанный в разные этапы жизни и глазами многих людей, «повис» тогда в воздухе. «Знаете, меня не поймут и я сам останусь для себя непонятен, если не скажу о своей семье...». И практически единственная правка, какую он внес в текст — признание в любви суп-

руге. Признание своеобразное. Публичное откровение человека энергичного и сильного, целеустремленного, по мнению некоторых, даже жесткого. Академик Максим Матвеевич Загорюлько, первый ректор Волгоградского государственного университета, сказал тогда — с гордостью! — «в семье я подкаблучник».

Именно с этой фразы началась наша беседа с Викторией Гавриловной Березовской, золотой половиной лауреата премии журналистских симпатий «Вечерки», которая так за 50 лет совместной жизни и не стала Загорюлько.

— ?!

— Это дань уважения моему отцу. Я потеряла его очень рано. Погиб в блокадном Ленинграде. А значил он для меня невыразимо много, был образцом для подражания и идеалом. Его смерть стала настоящим потрясением. Тогда, а замуж я вышла в 18 лет, сменить фамилию мне казалось предательством.

— А вы помните, как впервые встретились с Максимом Матвеевичем?

— Очень хорошо. Он был особенный. Чем-то от всех отличался. Не чисто внешней красотой, а скорее, внутренней энергией, зажигательностью. Впервые увидела его в аудитории Ставропольского педагогического института. По некоторым причинам я начала учиться позже других, а подруга заочно уже успела представить будущих однокурсников. Среди них было немало фронтовиков, много старше нас по возрасту и, конечно, с куда большим жиз-

ненным опытом. Вошла и именно его сразу узнала по описанию. Это был неординарный юноша...

— Скажите, а красиво Максим Матвеевич ухаживал?

— Да, он был замечательным, прекрасным женихом. Только на ухаживания оставалось совсем немного времени. Судите сами: с восьми утра и до обеда — учился на дневном отделении, а с обеда и до десяти вечера — работал лаборантом на кафедре. Сколько его знаю, всегда работал. Он вообще такой, что не может сидеть без дела. На кино, прогулки, ухаживания, как вы говорите, оставалось время после десяти.

Я всегда говорю, что он настоящий человек во всех смыслах этого слова. Всегда был очень сильным. Смолоду помогал многим, тянул за собой. Дома же — очень внимательный, оберегал меня, когда успевал, от любой тяжелой работы. Всегда торопился, чтобы натаскать воды, нарубить дров. Забота — отличительная черта его характера. Хорошая мужская черта, я считаю, — подставить, когда нужно, плечо. Он всегда сам знал, что должен сделать, в чем помочь. И помогал без всяких просьб и напоминаний.

— Был ли день в вашей общей жизни, который не забудете никогда?

— Первый день рождения в браке. Мое девятнадцатилетие. Одно из самых ярких воспоминаний. Тогда в маленьком домишке без удобств, который молодой студенческой паре казался раем, я проснулась от дурманящего запаха роз. Время было пос-

левоенное. И цветов тогда мы практически не видели. А это была сотня полураспустившихся бутонов прямо из оранжереи. Этот букет освещал всю мою жизнь. Такое не забывается.

— Могли ли тогда, в самом начале совместной жизни, представить себе, что станете кандидатом наук и супругой академика?

— Конечно, нет. Ни о чем таком и не помышляла. У нас была единственная мечта и желание — учиться. К Максиму Матвеевичу по-настоящему оно пришло еще в окопах. Поэтому, особенно на первом курсе, работал за двоих или троих. Один с курса сделал подробные конспекты монографий по истории Древней Руси. Бисерным почерком. «Когда вы успели?», — искренне удивился профессор, принимавший экзамен. Тогда мы абсолютно четко себе представляли, что неграмотные никому не нужны. И учились...

— Не могли бы вы открыть читателям «рецепт» семейного долголетия?

— Жизнь летит очень быстро. Все бегом. Универсального рецепта счастья у меня нет. Но один из наших семейных принципов — быть счастливыми от малости любой. Совершенно точно знаю, что нашу трудовую семью сцементировала любовь — без нее нельзя. Уважение, взаимовыручка и взаимопонимание — это само собой. И еще — очень важно единство мировоззренческих позиций. Мы оба политэкономы. Нас вырастил социализм и очень многое нам дал. Мой отец из сельского паренька стал ученым...

— Легко ли быть женой ректора?

— И легко, и сложно. Легко в силу личностных качеств мужа — он всегда был опорой, поддерживал меня и понимал. А сложно в том, что человек он достаточно требовательный. Нет, не в бытовом плане. Претензий по этой части ко мне никогда не было: лекции — я 32 года работала в инженерно-строительном институте на кафедре политэкономии, двое детей, а сутки ведь не резиновые. Но требовательность другого плана — мы должны были друг другу соответствовать. Если он рос, то мы должны были расти вместе. Хотя и так ясно, что если в семье чего-то достиг один, то это невозможно без другого.

Максим Матвеевич стал ректором и вынужден был максимально отсутствовать дома. Он писал докторскую диссертацию: это большие расходы, постоянные командировки, работа в архивах, и так далее. На меня же в «перерывах» между работой ложились домашние дела, забота о детях. Но позволить себе выйти к студентам неподготовленной я не могла. Впрочем, никогда и не была скупающей профессорской женой в бытовом понимании этого слова. Нам обоим вообще непонятно слово «скушно»...

День золотой свадьбы. Такие разные. Такие одинаковые. Половинки одного целого. Того, что с большой буквы называется Семейей. Их продолжение — дочь и сын, и всеобщая любимица пятнадцатилетняя внучка Ирина. Еще совсем маленькой девочкой она сказала: «Я выйду замуж за такого, как дед, и тогда у меня будет дочка, такая же, как моя мама». Наверное, это самая высокая оценка.

Светлана ЛЫСЕНКО.